А 20
6/312
А 20 6/312
0 0 24

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

2-е прибавленіе къ IV тому 1880 года.

КЪ ВОПРОСУ
О НАЧЕРТАНІИ И ПРОИЗНОШЕНІИ
ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ СЛОВЪ
въ русскомъ языкѣ.

Въ интересѣ школы давно слѣдовало бы выработать разумныя основанія для устной и письменной передачи греч. и лат. собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ въ русскомъ языкѣ. Между тѣмъ съ введеніемъ въ гимназіяхъ эразмова произношенія, при разнохарактерномъ составѣ учителей, разнообразіе письма и произношенія словъ, взятыхъ изъ древнихъ языковъ, увеличивается болѣе и болѣе: затронутый вопросъ становится уже не столь мелочнымъ, какъ можетъ представиться съ перваго взгляда. Установить единство и послѣдовательность въ данномъ случаѣ необходимо: лучше и полезнѣе (да и легче) согласиться *нѣсколькимъ* учителямъ, чѣмъ безплодно обременять память *массы* учениковъ — при переходѣ отъ одного учителя къ другоиу—новыми формами тѣхъ же самыхъ словъ.

Я. К. Гротъ (Ф. Р. II, 135—141) не видитъ вообще основанія для соблюденія этимологическаго правописанія въ словахъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ и установляетъ — фонетическое; относительно же греч. и лат. словъ почтенный академикъ останавливается только на нѣкото-

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 18842
16/VIII 1932

рыхъ фактахъ того или другаго способа русскаго правописанія (ibid. 351) и не даетъ опредѣленнаго совѣта, чѣмъ руководиться при встрѣчѣ съ такими словами, коихъ начертаніе колеблется и съ коими русскій слухъ не свыкся. Болѣе полную теорію представляетъ А. А. Ивановъ, проводившій ее съ 1871 года въ литографованномъ изданіи Записокъ учителя латинскаго языка [1]) (Кіевъ 1871—78) и въ редактированномъ имъ переводѣ „Игръ древнихъ“ Л. Бекъ-де-Фукьера. Кіевъ 1877; съ теоріей И-ва и намѣрены мы въ общихъ чертахъ ознакомить читателей Р. Ф. В., на сколько позволяютъ сказанные труды и указанія, сдѣланныя авторомъ по поводу того или другаго рекомендуемаго имъ начертанія и произношенія греч. и лат. словъ въ русскомъ языкѣ.

Теорія распадается на двѣ части: одна касается передачи окончаній, другая — звуковъ. „Относительно *окончаній*“, говоритъ авторъ, „послѣдовательно проведено правило, чтобы греческія окончанія муж. рода -ος и лат. *-os* или *-us* передавались послѣ гласныхъ посредствомъ *-ъ*. напр. Маркъ=Marcus=Μάρκος (ср. ὕπνος, somnus и *сонъ*; νέος, novos и *новъ*), средн. рода греч. -ον и лат. -om, -um, чрезъ -о, какъ муро=μύρον (ср. *вино* и vinum; *иго* съ iugum и ζυγόν; ново, novom и νέον)“; тѣ же окончанія послѣ гласныхъ=*й*, *е*: Μενέλᾱος; Menelāus и Менелай, Діонисій=Διονύσιος=Dionysius; евангеліе=εὐαγγέλιον=euangelium; впрочемъ *-ie* (*ье*) для *-ιον* и -ium авторъ признаетъ необычнымъ; женскія слова на *-а*, *-η* (лат. а, ē) оканчиваются по-русски *-а*, а съ предыдущей гласной—*я* (слѣд. *ια*=ія, ья): Ἀντιγόνη, Antigona(e) и Антигона; Ἰφιγένεια, Iphigenia и Ифигенія; для греч. *-ης* устанавливается *-ъ*: Кронидъ=Κρονίδης, Διογένης=Діогенъ, для *-ας* — *а* или съ предыдущей гласной *я*: Фидія (=Φειδίας) какъ Ѳома (=Θωμᾶς); женск. слова отъ основъ на *і* и на согласные звуки заканчиваются чрезъ *ь* по образцу ипостась, ересь, Руѳь (=ὑπόστασις, αἵρεσις, Ροῦθ): синтаксь, арсь, Иліадь, Арте-

[1]) Отзывъ объ этой книгѣ см. въ Ж. М. Н. П., январь 1880.

мидь; въ тѣхъ случаях, когда тема слова не ясна изъ им. пад., русское окончаніе придается темѣ, обнаруживающейся въ косв. пад.: Поллукъ, Мартъ [Pollux (изъ Πολυδεύκης), Mars—Pollūcis, Martis], Эротъ, Пелопъ (Ἔρως, Πέλοφ—Ἔρωτ-ος, Πέλοπ-ος). — Мы привели наиболѣе важные случаи выраженія окончаній греч. и лат. словъ в русск. языкѣ; окончанія многихъ словъ не проведены авторомъ послѣдовательно: Ахиллъ и Одиссей при формахъ одного и того же типа Ἀχιλλεύς, Ὀδυσσεύς; Аристотель и Діогенъ при Ἀριστοτέλης, Διογένης; средн. р. на μα отбрасываютъ τ и остаются по принятому обычаю въ ж. родѣ—эмблема, поэма. Такая непослѣдовательность вполнѣ извинительна, такъ какъ вызвана, по словамъ автора, нежеланіемъ идти въ разрѣзъ съ установившимся обычаемъ и вводить крутыя перемѣны; важно-то, что здѣсь впервые, хотя и не во всей полнотѣ, вопросъ ставится на научную почву.

Переходя къ разбору первой половины системы И-ва, скажемъ вообще, что здѣсь нѣтъ большаго разлада съ употребленіемъ и мы не видимъ затрудненій примѣнить на дѣлѣ многія поправки въ окончаніяхъ греч. и лат. словъ, рекомендуемыя авторомъ: ος и us б. ч. и передаются чрезъ ъ (или, говоря словами ученыхъ, отбрасываются), а съ предыд. гл. чрезъ й: Киръ, миѳъ, Ромулъ, тріумфъ; Алкиной, Діонисій, Помпей, Юлій. Къ стыду нашему в послѣднее время м. встрѣтить фф. Фалиносъ (=Φαλῖνος), Леонидасъ, Эфіалтесъ, Саламисъ, Прокасъ (Procа), Бибулусъ (см. задачи Ю. База), Капитоліумъ (у Бѣлицкаго).

Окончаніе іе (ье) для ιον, ium авторъ и самъ признаетъ необычнымъ; столь же необычно, думаемъ, и о для -ον и -um: въ самомъ дѣлѣ, можно ли измѣнить слова театръ, форумъ; Иліонъ, гимназія? въ объясненіе слова гумнасье авторъ прибавляетъ, что эту форму „слѣдуетъ ввести по крайней мѣрѣ для обозначенія греч. института, совсѣмъ не похожаго на наши гимназіи; въ такомъ случаѣ изъ одного греч. слова вышли бы два съ разнымъ значеніемъ, также какъ имѣемъ ритмъ (ритмъ) и рифма изъ ῥυθμός, магистръ, маэстро, мастеръ изъ magister“—

положимъ и такъ, но что̀ дѣлать съ массой другихъ, неправильно образованныхъ словъ: монастырь (μοναστήριον), келья (нов. греч. κελλεῖον), коллегія, музей (musaeum), трофей, лексиконъ (τὸ λεξικόν), элементъ, талантъ и таланъ (у всякаго таланъ есть свой Крыл.)? Ясно, что слова эти пришли къ намъ различными путями (трофей τρόπαιον несомнѣнно чрезъ франц. trophée) и передѣлывать ихъ въ пользу одного пути, напр. стариннаго какъ миро, евангеліе, уже поздно (сравн. у Грота Ф. Р. II, 351—352). Судя по употребленію можно предположить, что слова на -ον -ιον, -um, -ium легче всего могли бы принять въ русск. языкѣ -*ъ* или -*ій* по примѣру словъ на -ος, -ιος.

Слова ж. р. на -*а*, -*η*, -*ια* обыкновенно заканчиваются и по русски на -*а*, -*ія* (*ья*): Аѳина, ѳеократія, Софья; поэтому: Капу*я*, Трояда отъ Тро*я* (пишутъ: Капу*а*, Тро*а*да); Психе*я*, *Цирцея* не заслуж. подражанія; окончанія *а* и *я* русскій языкъ прилагаетъ и къ мужскимъ именамъ; Плутархъ усвоялъ греческое -ας, лат. мужскимъ на -а: Γάλβας, Σύλλας, Νομᾶς (=Galba, Sulla, Numa); словъ съ ъ и ій—въ соотв. ας, ιας—перешло во всеобщее употребленіе немного (Андрей); отсюда можно съ увѣренностію полагать, что имм. падд. Энея, Хаврія, Протагора, Эпаминонда, легко привьются къ русской рѣчи.

Для именъ женск. рода отъ основъ на *і* хорошо бы установить предлагаемое И-вымъ оконч. *ь* — правильное съ научной точки зрѣнія и подтверждаемое примѣрами старины: вм. плебсъ правильна была бы ф. плеб*ь* вм. Амфиполисъ форошо говорить Амфипол*ь*, какъ Севастополь; разумѣется — на первыхъ порахъ придется допустить двоякое правописаніе многихъ словъ (арзисъ и арсь, фраза и фрась), доколѣ не упрочится преобладаніе за рекомендуемымъ; что же касается перенесенія ь на греч. имена ж. р. съ основами на согласные звуки, то настаивать на примѣненіе этого правила нельзя: слова эти издавна приняли оконч. ж. р. *а* къ темѣ слова, также какъ мужскія слова того же типа удобнѣе принимаютъ *ъ*: Ѳемида, Декада, Хариты (Χάριτες), Амфидъ (Ἀμφις), Харетъ (Χάρης); сравн. ж. патроним.

ις съ мужскимъ ίδης: Ἀτρείδης Атридъ, Χρυσηΐς Хрисеида; т. о. есть полное основаніе оставить за женск. именами оконч. *a*, присоединяемое къ темѣ, — вмѣсто того чтобы вводить необычныя формы Артемидь, Кипридь, Иліадь.

Стоитъ обратить вниманіе и на удержаніе настоящей темы, когда она не представляется чистою въ им. п.: Анакреонтъ, Калхантъ, понтифекъ, интеррегъ, К. Марцій Регъ (Rex): возможность поправокъ такого рода доказывается формой Эантъ (вм. Аяксъ), прививающейся въ школахъ съ легкой руки Аландскаго; такія имена, какъ Калхасъ, Аяксъ, пусть примутъ въ гимназіяхъ новыя формы, чтобы изгладить искаженное на французской сценѣ представленіе объ этихъ личностяхъ. Придаваемое темѣ оконч. ъ, служа признакомъ рода, не имѣетъ строго-этимологическаго основанія какъ въ сон-ъ (ὑπν-ος), но достаточно оправдывается формами дѣлает-ъ, пишут-ъ: замыкая собою слово, ъ до нѣкоторой степени поддерживаетъ предыдущіе согласные звуки; иначе—конечные звуки, ослабѣвая въ произношеніи, могутъ совсѣмъ стереться, что́ повлечетъ за собой и искаженіе темы: изъ Калханта можетъ выйти Калханъ, а то и Калхъ. Сравн. буде(тъ), бо(гъ)дай, спасибо(гъ); исчезновеніе *т* и *г* здѣсь не помѣшало и ъ, такъ какъ слова эти — часто на языкѣ, не подвергаются флексіи и съ забвеніемъ происхожденія получили въ рѣчи условный смыслъ.

Какъ бы ни отнеслись къ первой части теоріи И-ва, не слѣдуетъ настаивать на примѣненіе ея къ такимъ словамъ, измѣненіе которыхъ не можетъ обѣщать успѣха: Эдипъ, Родосъ, Зевсъ, Андрей, секретарь, нотаріусъ, классъ, корпусъ необходимо удержать вм. б. правильныхъ, но необычныхъ Эдиподъ, Родъ, Дій, Андрея, секретарій, нотарій, классь, корпоръ; въ нѣкоторыхъ словахъ удержатся двѣ формы: Марсъ (Mars, Marti-s) богъ войны въ отличіе отъ Мартъ (Martius)—мѣсяцъ; Гермесъ, но гермы—статуи Гермеса или вообще боговъ.

Второй половиной, именно способомъ передачи лат. и греч. звуковъ въ русск. рѣчи и письмѣ, авторъ подтвер-

дитъ ту истину, что никакія крутыя преобразованія въ языкѣ, предпринятыя по теоріи, не удаются, хотя бы и имѣли за себя строго научный авторитетъ. Употребляемыя въ русской рѣчи латинскія и, особенно, греческія слова снабжены знаками ударенія; „конечно, отъ воли каждаго", говоритъ авторъ, „будетъ зависѣть, обратить ли вниманіе на эти указанія, или нѣтъ; но пусть, по крайней мѣрѣ, каждый, желающій произносить слова правильно, знаетъ, гдѣ должно сдѣлать повышеніе голоса, вмѣсто того, чтобы поступать наобумъ и по произволу; не имѣющему такого желанія значки мои не помѣшаютъ произносить по своему". — Возстановляется ѳ въ соотвѣтствіе греч. ϑ и дается совѣтъ произносить ѳ какъ t, а не какъ f; „въ тѣхъ же словахъ, которыя совершенно обрусѣли, ужъ лучше и писать", говоритъ И-въ, „согласно съ выговоромъ ф вм. ѳ, т. е. какъ-бы признать тѣ слова за совершенно русскія... кто не захочетъ отвыкать отъ усвоеннаго имъ произношенія словъ, можетъ въ однихъ словахъ произносить какъ т, напр. Ѳесей, меѳодъ, въ другихъ какъ ф, напр. въ Ѳома, Скуѳъ; въ такомъ случаѣ ѳ до поры до времени произносилось бы двояко". — Возстановляется и *ѵ* для греч. υ и лат. u въ дифтонгахъ: Кѵръ, мѵѳъ, лѵра, Плаѵтъ. — Удерживается *с* въ соотвѣтствіе греч. σ передаваемому чрезъ *з* подъ вліяніемъ лат. и отчасти нѣм. произношенія: Паусанія, Эсопъ, сѵракусскій.— Греч. αι, лат. ae (ai)=ѣ въ срединѣ и э въ началѣ словъ; οι, oe = ö: сфѣра, Эсхилъ, Крöсъ (Крезъ); для греч. ʽ рекомендуется по примѣру оріенталистовъ h: hOʻмѣръ, но не проведено въ печати.

Прежде чѣмъ высказаться по вопросу о передачѣ лат. и греч. звуковъ въ русскомъ языкѣ, нелишнимъ считаю обратить вниманіе, при какихъ условіяхъ появлялись у насъ греч. и лат. слова. Знакомство съ греческою письменностію началось у насъ, какъ извѣстно, съ перевода богослужебныхъ книгъ; греческій алфавитъ служилъ прототипомъ и для нашей азбуки; связь наша съ греками по принятіи христіанства не ограничивалась одною религіозною стороною; вмѣстѣ съ церковными терминами и собств.

именами проникали къ намъ съ новогреческимъ произношеніемъ обыденныя слова и научные термины; затѣмъ когда византійское вліяніе ослабѣло и въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ памятники древности стали предметомъ изученія въ западно-европейскихъ школахъ, въ нашемъ языкѣ стали появляться греч. слова съ новымъ произношеніемъ, приближеннымъ къ древнему, но окрашеннымъ въ колоритъ латино-польскій; новое произношеніе отозвалось на измѣненіи прежняго: вивліоѳика, Омиръ, икономъ мало по малу превратились въ библіотека, Гомеръ, экономъ; въ духовныхъ школахъ впрочемъ старыя традиціи сохранялись долго; изученіе з. евр. литературы принесло къ намъ нѣсколько греч. и лат. словъ въ искаженныхъ формахъ: трофей, фраза, университетъ, амуръ; введенное въ гимназіи эразмово чтеніе остается не безъ вліянія на измѣненіе греч. словъ въ новомъ направленіи. Очевидно, при столь разнообразныхъ вліяніяхъ на нашъ языкъ, нечего было и думать о систематизаціи формъ греч. и лат. словъ. Но это — одна сторона дѣла. Каждому грамотному извѣстно, какимъ передѣлкамъ подвергаются иностранныя слова въ народѣ: наглядный примѣръ—въ собств. именахъ, которыя мы носимъ, и въ названіяхъ мѣсяцовъ. Примѣры народной этимологіи, обратившей на себя въ послѣднее время вниманіе ученыхъ и, какъ кажется, до крайностей доводимой, встрѣчаются для иностранныхъ словъ издавна: Плутархъ изображаетъ чрезъ Σκηπίων и Λεύκιος лат. Scipio и Lucius; въ Αἴγυπτος греки, вѣроятно, представляли *αἴξ* и ὄπτιος; нашъ народъ въ *Селиверстъ* (Silvester) видитъ знакомыя—село и верста, хотя, можно думать, и не соединяетъ особаго какого-либо осмысленнаго представленія этихъ словъ, а дѣйствуетъ механически; въ *Лупь*—лупить, въ *апрѣль*—прѣть; на Лупа овесъ лупитъ; въ апрѣлѣ земля прѣе (сравн. народныя *визгалъ* От. З. окт. —79 вм. вокзалъ, *мѝродеры* — Война и миръ Толстаго — вм. мародеры). Разныя формы слова спеціализуются: Димитрій остается за дух. лицами и царями, Дмитрій за остальными, Деметрій прилагается къ древнимъ, напримѣръ

къ Деметрію Поліоркету, все равно какъ Іосифъ прилагаемъ мы къ лицамъ библейскимъ и духовнымъ, Осипъ къ русскимъ, Жозефъ—къ французамъ, Юсупъ—къ татарамъ. Какъ не привился *Иванъ Яковлевичъ* къ Руссо, такъ врядъ ли можно было бы примѣнять Кроновичъ, Атреевичъ (Κρονίδης, Ἀτρείδης) къ Зевсу и Агамемнону. Est modus in rebus... Т. о. систематизація иностр. словъ затрудняется еще вліяніемъ народной этимологіи и обособленностію различныхъ формъ тогоже слова.

Возвратимся къ предмету: у насъ нѣтъ положительныхъ правилъ постановки удареній въ словахъ русскаго языка: лат. и греч. слова обыкновенно удерживаютъ у насъ ударенія того языка, откуда пришли, иногда приспособляются къ русской рѣчи: слѣдовало бы принять за обычай или а) удерживать удареніе первообраза, откуда бы слово ни пришло, или б) удерживать удареніе того языка, отъ котораго заимствовано лат. или греч. слово, или в) каждое заимствованное слово произносить по правиламъ (далеко не установившимся) удареній въ р. яз., но ни одно положеніе принять въ цѣлости нельзя, коль скоро въ языкѣ исторически сложились и отразились на удареніи иностр. словъ разнообразныя вліянія.

Поздно и безцѣльно отстаивать ѳ для греч. ϑ: *ѳ* исчезаетъ уже и въ тѣхъ словахъ, гдѣ ея произношеніе=f, а тамъ, гдѣ ϑ=t употребляется всегда *т* и можно сказать навѣрное, что вмѣсто ѳ вездѣ будетъ согласно съ выговоромъ или *ф* или *т*. Сравн. Ф. Р. Грота, II, 136—141; 379. Можетъ б. ѳ еще подержится нѣкоторое время въ школахъ, но и здѣсь ея дни сочтены...

Еще менѣе основаній возстановлять ѵ для ου и υ (въ αυ, ευ), когда ѵ въ языкѣ послѣ согласныхъ въ произношеніи приблизилось къ *и*, послѣ гласныхъ къ *в:* если мы привыкли обходиться безъ ѵ, то чего достигнемъ чрезъ введеніе ѵ вновь? точности произношенія греч. и латинск. словъ? но устраненіе ѵ и было вызвано исчезновеніемъ этой точности; стоитъ ли обременять память механическимъ заучиваніемъ, гдѣ употреблять ѵ, и вводить въ педагоги-

ческое дѣло новую путаницу? v не нужно и для спеціализаціи понятій, такъ какъ послѣдняя обусловливается гл. обр. разностію произношенія слова. Почти тоже скажемъ и объ изображеніи αι (ae) чрезъ ѣ и οι (oe) чрезъ ö въ срединѣ словъ: забыто правило „не издавать такихъ законовъ, которые не могутъ быть исполняемы“.

Одну поправку въ передачѣ греч. звуковъ принять можно: возстановленіе с въ соотв. σ, которое подъ вліяніемъ лат. и нѣм. яз. перешло въ з, не вызываетъ большихъ затрудненій, потому что у насъ есть слова, гдѣ σ не подверглось латинизаціи: ересь, Діонисій, Іисусъ.

Соображаясь съ тѣмъ, что сказано нами ранѣе, невольно какъ то останавливаешься на мысли, что напрасно въ гимназіяхъ установлено по гречески чтеніе эрасмово. Допустимъ, что новогреч. или рейхлиново произношеніе αι, ει, οι, υι и невоспроизводитъ древняго, но во всякомъ случаѣ по историческому развитію языка болѣе приближается къ правильному то произношеніе, какого держатся прямые наслѣдники, чѣмъ то, которое берется изъ третьихъ рукъ, или искусственно придумывается впослѣдствіи съ цѣлію возстановить древнее произношеніе [1]); педагогическія удобства эрасмова произношенія для насъ теряются, когда об-

---

[1]) Поясню примѣромъ: извѣстно, что наше ѣ въ древности у слав. племенъ произносилось чрезъ ē, je, ei, ia, ai, ĕă, ije т. е. входили три элемента i, a, э (Гротъ. Ф. Р. II, 306—309); чтóбы мы сказали, если бы кто сталъ доказывать, что для древняго произношенія ѣ нужно брать цѣликомъ сочетаніе a+i+e?! Кажется ясно, что одинъ и тотъ же звукъ могъ принимать многоразличные оттѣнки, но изъ соединенія всѣхъ оттѣнковъ нельзя составить цѣльнаго звука: будетъ что-то дѣланное, вычурное, фиктивное. Тоже самое сказали бы и о ѫ, ѧ: ни мы не можемъ рекомендовать полякамъ произносить древнія юсы как *у* и *я*, ни они не могутъ настаивать на примѣненіи сохранившагося у нихъ носоваго произношенія звуковъ соотв. ѫ и ѧ. О возстановленіи произношенія лат. ae, oe, (ai, oi) въ видѣ ай, ой или a°, o° никто не хлопочетъ, а между тѣмъ развѣ это было бы не то же самое, что αι, οι равнять съ ай, ой?!

ратимъ вниманіе на необходимость и возможность передѣлки множества словъ, вошедшихъ къ намъ съ новогреч. произношеніемъ тогда еще, когда объ изученіи лат. языка, на которомъ отчасти основано эрасмово чтеніе, у насъ не было и помину. Самъ Эрасмъ Роттердамскій, сколько извѣстно, установилъ ай, эй, ой (αι, ει, οι) въ виду разницы въ передачѣ этихъ дифтонговъ ново-греческими и латинскими писателями и изъ желанія приблизить дифтонги къ древнему произношенію, но не ручался за безусловную правильность своего чтенія; примѣненіе въ З. европѣ эрасмова чтенія обязано близости его къ латинскому произношенію, такъ какъ лат. яз. тамъ держался постоянно вслѣдствіе религіозной связи Зап. евр. съ Римомъ, подобно тому какъ у насъ греческій по связи съ Византіей. Не естественнѣе ли было бы и намъ удержать то произношеніе, какое издавна усвоено было изъ Византіи отъ грековъ—прямыхъ наслѣдниковъ др.-греч. литературы? Съ возстановленіемъ рейхлинова чтенія нельзя было бы опасаться за новыя искаженія въ греч. словахъ: Алцей (Ἀλκαῖος) у Л. Миллера, — Ойномай, айтеръ, періойки (вм. Алкей, Эномей или Иномай, эѳиръ, періэки или періики): ученые чисто русскіе не поддаются, какъ извѣстно, Зап. евр. увлеченіямъ и пишутъ по старинѣ: *И*сіодъ, Лисій, *и*гемонія, Протагор*а* изъ Ав*д*иръ (τὰ Ἄβδηρα), Ифестъ, Ипп*и*я, Промиѳей, Фидія, Драконтъ, эксаметръ (форма не такъ неправильна, какъ кажется И-ву, ср. эллинъ), *И*раклъ, *В*аккъ, *в*арваризмъ (см. напр. Изв. Ист. Инст. въ Нѣжинѣ 1877—79), да и—въ самомъ дѣлѣ—къ чему намъ было навязывать себѣ чужое и причинять хлопоты, сопряженныя съ каждымъ нововведеніемъ? Добро бы еще это чужое было хоть сколько нибудь лучше своего, но и этого-то нѣтъ.

Эллинистъ Валетта говоритъ, что читающіе въ Англіи поэмы Омира по-Эрасму, могутъ испытывать такую же прелесть въ чтеніи „οἵαν (ἐξέστω μοι ἡ παραβολή) εὑρίσκω ἐγὼ ἡδονήν ἐν τῷ καταπίνειν τὸν Ἀγγλικὸν ζῦθον, ἀντὶ τοῦ ἀκράτου καὶ μελιηδέος οἴνου τῆς Ελλάδος.“ По поводу возраженія, что при новогреческомъ чтеніи нарушается

поэтическій размѣръ, Валетта указываетъ на реченія: „ἀμβρόσιαι χαῖται“, гдѣ по эрасмо-англійскому произношенію ἀμμπροσάιαι κάιται является 10 слоговъ вм. 6-ти: „по нашему чтенію“, говоритъ Валетта, „если не соблюдается количество слоговъ προσῳδιακῶς, то по меньшей мѣрѣ соблюдается ἀριθμητικῶς; по эрасмову же уничтожается оно въ томъ и другомъ отношеніи, когда долгіе дифтонги разлагаются на два короткихъ слога, а двуслоговыя реченія измѣняются въ трехслоговыя“ (Ομήρου βίος καὶ ποιήματα ἐν Λονδίνῳ 1867. стр. 129).

Саратовъ, 1880 г.

В. Боголюбовъ.